

ПРОЛОГ

772 год от Рождества Христова

Оперение вороны было сплошь в копоти. Птица, поблескивая глазами, вытянула шею и огляделась: вокруг были развалины домов, усеянные стрелами и копьями хижин и лежащие друг на друге трупы. Убедившись, что ей ничто не угрожает, ворона вернулась к грудному ребенку, на которого только что опустилась. Младенец был еще жив и укутан в одеяло, из которого выглядывало только лицо. Не обращая внимания на плач и крики, доносившиеся из этого свертка, ворона клюнула ребенка в щеку и наклонила голову, проверяя, действительно ли ее добыча так беспомощна, как ей показалось. Широко открытые глаза ребенка влажно блестели и обещали стать настоящим лакомством.

Стрела пронзила ворону, и ее последний полет закончился на бочке из-под зерна. Молодая рыжеволосая женщина с луком в руке пробралась среди развалин, склонилась над младенцем, внимательно осмотрела его и взяла на руки. Прежде чем опять исчезнуть, она сняла мертвую птицу с бочки. Затем, держа в руке ребенка и ворону, женщина скрылась в продолговатом строении среди разрушенных хижин.

Глаза Иммы быстро привыкли к темноте. В неверном свете свечей она увидела мужчин и женщин своего племени, которые сидели, прислонившись спинами к стенам, и шепотом разговаривали между собой. Неужели они думали, что враг, стоящий у ворот, услышит их?

Многие спали на голом полу. Между ними находились также беженцы из других саксонских деревень, спасшиеся бегством при нападении франков на Эресбург. Если пророчество старого Дрого сбудется, это будет означать, что они лишь отсрочили свою смерть. Никто, как сказал ясновидящий три дня назад, не переживет этой осады.

Луч дневного света проник через отверстие для выхода дыма в центре помещения. В этом свете перед старейшинами племени держал речь Оснаг.

«Оснаг, — подумала Имма. — Это он принес нам войну». Вождь саксов сам дал себе второе имя — Видукинд, что значило «Дитя леса», а за всю долгую историю лишь немногие люди заслужили такое право. Насколько помнили жрецы, с тех пор как было посажено священное дерево, ни один человек такого имени не носил. Однако Оснаг осмелился. Точно так же, как осмелился поднять племена против франков. А теперь деревни опустошены, братья и сестры убиты или уведены в рабство, а последние из некогда гордых саксов собрались в этой крепости, ожидая конца. Оснаг, однако же, все еще старался показать себя в лучшем свете и призывал к войне, словно ничего не случилось.

Имма подошла к группе старейшин, встала перед Оснагом и прижала ребенка к его груди. Вождь озадаченно взял его в руки.

— Позаботься о нем, Оснаг. Может быть, тебе удастся спасти хоть одного из нас.

С этими словами она оставила герцога и старейшин. Молчание за ее спиной было красноречивее всяких слов.

Она покинула строение через боковую дверцу, служившую для загона скота. Уже несколько недель они почти ничего не ели. Запасы пищи истощились, и голод измотал оказавшихся в осаде людей. До того как франки подошли к воротам крепости Эресбург, шерстяное платье было даже тесно Имме в бедрах. А сейчас оно висело, как тряпка на огородном пугале.

Ирминсул — священное дерево, покрытое зеленью, — гордо устремлялось ввысь. Огромный ствол и широкие ветви всегда приводили Имму в изумление. Иногда она по полдня стояла на коленях перед дубом, застыв в священном ужасе перед мощью богов. Но сегодня она не чувствовала желания молиться Ирмину. Ее устремления были мирской природы. За Ирминсулом находилась постройка, сооруженная над углублением в земле.

В холоде подземелья Дрого имел обыкновение хранить пожертвования для Ирмина — яблоки из священной рощи и мясо священных овец и коз. Однако сейчас погреб служил иной цели.

Она поприветствовала обоих воинов, стоявших на посту перед крышей, и уже хотела исчезнуть в темноте погреба, но Радберт остановил ее, схватив за руку:

— Имма! Я не могу позволить тебе снова спуститься к заложникам. Если старейшины узнают об этом, Видукинд прикажет приковать нас к дереву.

— А ты разве не отнес еду пленным? — спросила она, чувствуя, как кровь прилила к лицу. — Неужели ты хочешь, чтобы они умерли с голоду? Как думаешь, что сделает с тобой Видукинд, если ты оставишь подыхать в этой яме наш единственный козырь в борьбе с таким человеком, как *Carolus Magnus*?¹

Хватка Радберта ослабела.

— Ты знаешь, так же как и я, что еды больше нет. Мы что, сами должны умереть с голоду, чтобы франки остались живы?

Имма поднесла к лицу сторожа ворону.

— Твои последние запасы сушеных фруктов останутся в неприкосновенности, Радберт, можешь не беспокоиться. Я сама об этом позаботилась.

Она увидела жадность в глазах Радберта, заметившего ворону. Еще какой-то миг он удерживал Имму за руку, а затем отпустил.

— Ладно, клянусь Сакснотом!² Но поторопись! Во время следующей атаки ты будешь нужна на палисаде.

Имма прошмыгнула внутрь погреба. В деревянном полу был люк, закрытый копьем, которое было просунуто сквозь две петли из конопляной веревки. Имма вытащила из них оружие, небрежно отбросила в сторону и приподняла крышку. Внизу царил мрак. «Утопить бы в бочке этого Радберта, — подумала она. — Этот дурак опять забыл заменить свечи». Найдя

¹ Карл Великий (лат.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Родоначалник племени саксов, бог — покровитель семейных уз. По другим источникам — бог войны у саксонских племен.

в пристройке светильник, она зажгла его и спустилась вниз, в погреб.

Там было холодно. В каменистой почве был проделан целый лабиринт ходов, словно здесь, внизу, было логово огромного крота. Ни один чужак не смог выйти из этого лабиринта. Это место было настоящей тюрьмой.

Подобно рукам привидений, из земли торчали корни Ирминсула. Ирма ориентировалась по ним. Она знала священное дерево как никто другой. Только жрецы были лучше знакомы с этим колоссом, который с незапамятных времен все рос и рос на горе Эресбург, будучи одновременно символом саксов и тем местом, куда боги по праздникам спускались вниз, на землю. Неудивительно, что франки хотели срубить дерево. Это означало бы гибель старой веры. Равно как и триумф христианства, той самой новой религии, которая каким-то жутким образом околдовала Имму.

— Исаак! — крикнула она в темноту, пробираясь по запутанным ходам. — Исаак!

Тишина, которой встретило Имму подземелье, обеспокоила ее. Неужели с Исааком что-то случилось? Не может быть! Никто в этой ситуации не решился бы причинить вред заложнику вождя.

Она заметила отблеск света, лишь очутившись перед нишей. Исаак сидел на корточках, расстелив свою красную накидку так, чтобы на ней можно было спать, и склонив голову над каким-то блестящим предметом. Неужели он ее не услышал?

— Исаак, — сказала Имма еще раз. Она даже не удивилась бы, если бы он не оторвался от своего занятия.

Однако Исаак поднял голову. Несмотря на скудное освещение, она могла рассмотреть каждую черту его лица. Темные волосы спадали ему на плечи — они были отличительным признаком франкской знати. Его осанка даже после нескольких недель пребывания в этой яме все еще была осанкой повелителя, а руки — крепкими и нежными. Глаза были ярко-зеленого цвета.

Имма втянула в себя затхлый воздух.

— Откуда у тебя светильник? — спросила она.

— Трутовик, смола и дерево. Всего этого здесь внизу много. Если чего не хватает, — он указал на украшенный серебряным шитьем кошель на своем поясе, — то у практичного человека это найдется в сумке.

Имма подавила улыбку и поставила светильник на пол.

— Вот, этот ярче. С тех пор как ты здесь, стало светлее.

Она смущенно оглянулась в темноте по сторонам. В остальных, расположенных поодаль нишах этого лабиринта сидели на корточках еще три человека, ожидая, что *Carolus Magnus* вызовет их из когтей саксов. Имма надеялась, что этот день наступит не слишком скоро.

Она показала ему ворону:

— Это не много, но как-то поможет. Оснаг будет ожидать возвращения посредника с переговоров, прежде чем решит, нужно вас дальше кормить или...

Слова застыли у нее на языке.

— Или нас прибьют гвоздями к Ирминсулу? В таком случае пусть твоя ворона будет моим последним обедом перед казнью. Однако это может подождать. Посмотри, я тоже поймал для тебя птицу.

Он встал и протянул ей что-то блестящее. Имма подняла светильник, чтобы рассмотреть. В правой руке Исаака лежал амулет, сделанный из множества драгоценных камней. Темно-красный камень засиял в слабом свете свечи. Амулет имел форму птицы, хищной птицы, как показалось Имме. Никогда раньше она не видела ничего подобного.

Пальцем левой руки франк дотронулся до украшения и разделил его на две части. Колдовство?

Имма поняла: Исаак специально разделил украшение. Теперь на его ладони лежали две половинки одной птицы, и у каждой было одно крыло. Исаак кивнул ей, и она взяла половину амулета.

— Это украшение не такое питательное, как твой подарок. Зато оно — надолго.

Франк крепко сжал в руке свою часть украшения.